

Василий Ян

На крыльях мужества

ФТМ

Василий Ян

На крыльях мужества

«ФТМ»

Ян В.

На крыльях мужества / В. Ян — «ФТМ»,

© Ян В.

© ФТМ

Содержание

Джелаль-эд-Дин Неукротимый[1]	5
Пролог	7
Таинственный Кумган	7
Чудесный гость или сон?	10
Часть 1	13
I. Сын пантеры	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Василий Ян

На крыльях мужества

*Восточная повесть-сказка в двух частях
о бесстрашном, пламенном доблестном
султане Джелаль-эд-Дине Менгу-Берти,
о его упорной борьбе с беспощадными
монгольскими воинами великого истребителя
народов, «потрясателя вселенной» кагана
Чингиз-хана, о необычайных битвах,
победах, скитаньях и о неожиданной
трагической гибели в Курдских горах
этого удивительного витязя, последнего
шах-ин-шаха Великого Хорезма.*

*...и лучезарный юноша сражался на путях Аллаха и оберегал
честь рода своей славой.*

Из древней сказки

Джелаль-эд-Дин Неукротимый¹

Рожденный властвовать, среди бурных сеч
Не знающий тревоги и смущенья,
Ты высился как знамя... Пораженья
Не гнули силу непокорных плеч.

Изведал Чингиз-хан твой светлый меч...
Властитель, он проникся уваженьем
К тебе, грозившему во имя мщенья
За честь отцов войною мир зажечь.

Шатались армии от сильных взмахов
Твоей руки, ты низвергал их в прах...
Но Азраилу повелел Аллах, —

---

¹ Стихотворная обработка песен Н. Н. Ушакова и М. Б. Сандомирского. Сонет – О. Орловской.

И в курдской хижине возвел он плаху,
И принял смерть ты, как и жил, без страха,
Джелаль-эд-Дин, последний Хорезм-шах!

Пролог

Таинственный Кумган

Пастух Чобан-Коркуд был, пожалуй, самым бедным во всем кочевье Бала-Ишем. Его хижина состояла из нескольких камышовых циновок, подпертых кольями, и все свое имущество – продранный войлок, на котором он спал и совершал священные молитвы, и старый железный кумган без крышки, служивший и для варки, и для омовения, и ободранная шуба из облезлого козла, и длинный посох с загнутым концом, – все это он мог за один раз легко унести с собой. А весь его скот – гордость и богатство кочевника – состоял из большой лохматой собаки, белой, с красными угрюмыми глазами, которая покорно плелась за ним, куда бы, по обязанности пастуха, Чобан-Коркуд ни переходил.

Много лет он пас овец и ягнят во всякое время года, являясь на ночевку из одной юрты в другую, где его кормили. А старый пес его Акбай равнодушно и гордо следовал за ним, и все собаки узнавали его: обнюхавшись, они расходились без обычной драки. Когда же неопытные щенки пробовали задеть его, то разъяренный Акбай давал им поучительную трепку и спокойно, виляя хвостом, возвращался к ногам хозяина.

И с Чобан-Коркудом произошло необычайное дело. Однажды он лег на свой войлок возле входа в старый шалаш и лежал без движенья на боку, подпирая седую голову костлявым, огрубевшим кулаком. Все из кочевья приходили смотреть на Чобан-Коркуда и говорили, что в старого пастуха вселился безумный джинн. А Чобан-Коркуд отвечал, что он и мог бы продолжать свою обычную работу, но он не будет больше пасти овец:

– Пусть это делают более молодые пастухи. Я же буду смотреть днем на плывущие облака, а ночью – на сверкающие слезами звезды, на дорогу вечности (Млечный Путь) и на улыбку месяца...

Кочевники предложили старому Чобану увеличить вдвое назначенную ему оплату – не две, а четыре овцы в год и даже пять... Но он от всего твердо отказывался, и кочевники уходили прочь, удивленно покачивая головами.

Несколько дней спустя к Чобан-Коркуду приплелась через пески его сестра, очень бедно одетая – в заплатанную, полинялую, когда-то бывшую малиновой рубашку до пят. Она принесла на руках плачущую, исхудавшую, как лягушонок, маленькую девочку. У этой девочки большая головка еще плохо держалась на плечах. Старушка Айдын обходила юрты кочевья, говорила, что она сестра Чобан-Коркуда, и просила молока для найденной ею в песках сиротки. И она затем приносила брату и лепешки, и сушеный творог, и молоко, собранное в разных юртах в большую глиняную миску.

– Это мое счастье, найденыш Гюль-Джамал, – говорил любопытным Чобан-Коркуд. – Она прокормит и себя, и бабушку, и меня...

Шестнадцать лет продолжалось «счастье» старого пастуха. У него появилась задымленная войлочная юрта, увешанная внутри бархатными ковровыми чучалами, над костром повис на цепи чугунный котел; у входа в юрту лежали ожидавшие милости хозяина две рыжие собаки, а рядом на приколе дремала белая ослица, и возле нее резвился черный пушистый осленок.

А счастье у Чобан-Коркуда появилось так – об этом рассказывал сам Коркуд... А верно ли это или не верно – знает лишь Аллах великий и всеведущий, и он ему судья!

Невдалеке от кочевья возвышались полузасыпанные песками развалины древней крепости. В далекие времена за ее неприступными стенами жил хан Баяндер. Много сказок и песен было сложено про его набеги на Хорезм и на Иран, откуда он возвращался с захваченными

конями, верблюдами, нагруженными всяким добром, и с пленниками, молившими о пощаде, которых он продавал на невольничьих рынках Мерва, Несы и Мешхеда.

Но всякая удача сменяется новым решением Аллаха – слава ему и величие! – в те же далекие времена войско неведомых кочевников пронеслось ураганом через пустыню и обратило грозную крепость хана Баяндера в желтые мертвые развалины, жилище совы и скорпиона.

Только мальчишки из кочевья ходили на эти развалины после каждого дождя, столь редко проливающегося в знойной пустыне. Недолговечные мутные потоки прокладывали дорожки между грудами квадратных плоских желтых кирпичей. Мальчишки внимательно осматривали эти дорожки и, счастливые, находили то обломок ножа, то чашу с цветным рисунком, то древнюю почерневшую монету, то зеленые бусинки. Более удачливые находили даже обломки янтаря, жемчужины, серебряные монеты или блестящие кусочки золотых тилля.

Бедняк Чобан-Коркуд не гнушался вслед за мальчишками ходить между развалинами в надежде, что щедрая рука удачи принесет ему целую, неразломанную золотую монету.

Однажды его посох коснулся предмета, издавшего звон. Был холодный день, когда ранней весной еще падал мокрый снег, и мальчишкам не хотелось оставить теплые юрты. Оглянувшись и увидав, что никого кругом нет, Коркуд присел на корточки и начал ножом раскапывать находку. Постепенно стал показываться старый медный чайник – кумган, позеленевший от времени, с изогнутой ручкой, вполне исправный кумган. На нем были заметны надписи и узор, покрывавший выпуклые бока.

Пастух принес домой в свой шалаш находку и зарыл ее под войлоком, боясь открыть крышку, – кумган был очень тяжел. Он опасался любопытства соседей и старого пса Акбая, сидевшего у входа и следившего за тем, как его хозяин роет руками песок на том месте, где обычно лежал войлок. Акбай после ухода старика непременно стал бы лапами разрывать это место.

В этот день Чобан-Коркуд впервые за свою долгую жизнь солгал, да простит его Аллах и да помилует! Он стал всем говорить, что повредил себе ногу и не может выйти пасти баранов...

Дождавшись ночи, когда все кочевье заснуло и месяц на ущербе безмолвным сторожем смотрел с вышины, Коркуд дрожащими от волнения руками открыл концом ножа крышку, слипшуюся из-за зеленой окиси.

Вдруг со свистом из кумгана вырвался дым, с запахом гари и серы, и туманным облаком полетел в степь, подхваченный порывом ветра.

– Ойе! Ойе! – воскликнул Коркуд, положив палец на подбородок, и долго сидел пораженный, в недоумении, так как ему показалось, что из дыма выглянула голова бронзового цвета с огненными глазами.

Облако быстро растаяло. Коркуд подождал и, видя, что ничего больше не происходит, стал со страхом рассматривать содержимое кумгана. Сверху в кумгане лежал полуистлевший шелковый платок, а в нем была завернута серебряная коробочка в виде початка кукурузы, с вложенной молитвой и заклинаниями. А дальше узловатые пальцы старика нащупали мешочки с монетами.

В голубом свете любопытного месяца пастух увидел, как из первого мешочка на темный войлок посыпались золотистые кружочки, тонкие, с загадочной надписью... Он боялся доставать и развязывать остальные мешочки: перед ним уже было большое богатство – пятьдесят золотых тилля, которых было вполне достаточно, чтобы старого Чобан-Коркуда наполнить надеждами.

Положив обратно в мешочек золотые монеты, старик завернул его в свой матерчатый пояс. Он закрыл кумган и снова зарыл его в песке под войлоком. Впервые Коркуд ударил посохом наблюдавшего за ним верного Акбая, точно боясь, что пес может разболтать о найденном богатстве.

В ближайшие ночи Чобан-Коркуд вынул остальные шелковые кошельки. В одних оказались опять золотые монеты, в пяти же последних он нашел семена: риса, пшеницы, проса, ячменя и джугары. А на самом дне лежала вторая серебряная коробочка, в которую была втиснута туго свернутая длинная узкая записка.

Только через год, когда Чобан-Коркуд побывал в Несе, он разыскал там своего друга детства, ставшего учителем – дамуллою, и тот прочел ему содержание этой записки. В ней стояло следующее:

«Поистине мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, всевластного, делающего несчастного счастливым.

Оставляю завещание своим внукам и правнукам. Я собрал это богатство своей смелостью и трудолюбием. Я не передаю моим сыновьям этого золота. Я хочу, чтобы они сами, своими руками, своим трудом, поставили себе юрту благоденствия и радости. Но жизнь длинна, извилист путь ее, и часто мы наталкиваемся на солончак бедствий.

Возможно, что придут тяжелые времена, возможно, что с востока, или с запада, или с других сторон вселенной примчатся враги дикие, безжалостные, не желающие проявить милость и дружбу потомкам праведного Адама. Будет великая война, когда небо померкнет от горя и кровью оросятся мирные пашни и степи нашей священной земли. Правоверные и прочие люди будут скитаться, не находя себе крова и пищи, и небо раскалится от огня и дыма горящих селений. Поля опустеют и, невозделанные, зарастут диким бурьяном. Люди съедят все запасы, и не останется зерна, чтобы снова засеять обработанную землю. На этот час я оставляю лучшие семена пяти добрых растений, подаренных человеку Аллахом – велик он! – чтобы человек мог жить и питаться. Из каждого семени вырастет девять колосьев, а в каждом колосе нальются девяносто девять зерен. Правоверные и прочие люди снова вспомнят мирную жизнь и счастье труда, урожая и дружбы.

К вам я обращаюсь, мои потомки великого тюркского племени: храните пять драгоценностей, которые всегда создадут вам славу, безопасность и благоденствие и сделают непобедимыми. Эти драгоценности: мужество, трудолюбие, верность данному слову, уважение к женщине и прославление Аллаха, единого, покоряющего и милосердного.

Хан Баяндер».

Чобан-Коркуд вернулся в свое кочевье и никогда никому не говорил о найденном богатстве, которое он хранил в песке под своим старым войлоком. Ведя праведную и воздержанную жизнь, он был щедр к беднякам и гостеприимен ко всем, приходившим в его юрту.

Чудесный гость или сон?

Однажды в тихую летнюю ночь старый Чобан-Коркуд лежал на узком истертом коврикe у входа в свою юрту. Положив под усталую голову свернутую козлиную шубу, он смотрел на звездный узор, вышитый Аллахом по темному бархату неба, и, перебирая четки, сделанные из косточек алычи, повторял свое заветное заклинание:

– О Аллах, всемогущий и милосердный! О малом прошу тебя: дай мне только достаточно сил, чтобы дожить до светлого дня, когда отрада моих очей Гюль-Джамал перейдет в руки человека достойного, праведного, трудолюбивого и к ней ласкового.

В этот день в песках Каракумов охотился молодой сын Хорезм-шаха Джелаль-эд-Дин Менгу-Берти. Он сбился с пути, попал под ливень и, увидев юрту Коркуда, направил к ней своего коня. Он попросил разрешения переночевать и тихо уселся у входа, обняв руками колени.

Чобан-Коркуд разговорился с молодым ханом. Его лицо понравилось ему своей открытой приветливостью, и пастух решил поделиться с ним своей тайной.

При свете костра Джелаль-эд-Дин внимательно прочел послание хана Баяндера и попросил Чобан-Коркуда подарить ему этот свиток. Затем он стал читать другой свиток, на котором были написаны заклинания. Вероятно, Джелаль-эд-Дин произнес одно из них, имевшее особую волшебную силу...

Лежавший рядом рыжий пес, сменивший уснувшего вечным сном Акбая, вдруг заворчал, насторожился, и шерсть на его спине стала дыбом.

Чобан-Коркуд поднялся и остолбенел... Над кумганом курился дымок, как будто в нем тлели угли чилима с табаком. Пес прыгнул вперед и залаял, а дымок быстро принимал очертания неподвижно стоящей тени, из которой появился облик человека. Красивый, стройный юноша, смуглый, с черными сдвинутыми бровями, скрестив руки на груди, смотрел на Коркуда бирюзовыми глазами. Черные как вороново крыло кудри, падающие до плеч, указывали на чужеземное происхождение незнакомца; об этом же говорил невиданный покроем его платья, лилового, с блистающими кое-где золотистыми звездами. За пояс из прозрачных голубых камней засунут кинжал в золотых ножнах. В руках юноши была зеленая смарагдовая палочка длиной в локоть.

Изумленный Коркуд, дрожа от страха, открывал и закрывал рот, из которого не вылетало ни одного звука. Рыжий пес бросился на незнакомца. Тот поднял смарагдовую палочку, и пес, перевернувшись, откатился в сторону и, жалобно повизгивая, умчался прочь.

– Привет, уют и простор твоему дому! – обратился к Коркуду необычайный гость. Его слова в тихом безмолвном воздухе звучали как переливы свирели.

– Будь моим гостем, садись со мной рядом! – прошептал осмелевший Коркуд.

– Ты меня призвал. Я ждал этого давно, чтобы увидеть тебя и узнать, что ты сделал, найдя древний, чудесный кумган. Я готов помочь тебе, если град несчастий на тебя обрушится. Почему ты не призвал меня раньше?

– Мне ничего не нужно! – ответил Коркуд. – Я имею гораздо больше того, о чем я когда-либо молил Аллаха, велик он и славен!

Грустная улыбка осветила бледное лицо незнакомца.

– Ты первый из смертных, который доволен своей судьбой и своим достоянием. Я покажу тебе сейчас, что бы ты мог давно иметь... У тебя старая юрта. Дождь протекает сквозь ее войлочную крышу.

– Но у других кочевников бывает то же!.. – робко сказал Коркуд.

– Стань рядом со мной и смотри!..

Коркуд вдел ноги в старые кавуши и, подойдя к незнакомцу, опустился рядом с ним на корточки. Он дрожал, и колени его подгибались.

Голубой дымок за клубился над юртой и совершенно скрыл ее. Когда порывом ветра дым унесло в степь, Коркуд увидел на месте старого жилища просторную юрту из белых войлоков, обтянутую пестрой, узорчатой дорожкой. Вход был завешен красивым ковром. Над юртой висел тонкий дымок, доносился запах ароматного плова и горячих лепешек.

– Разве ты не хотел бы видеть около твоего жилища благородного туркменского коня, потомка славного Буйноу, с маленькой головкой, настороженными ушами, лебединой шеей и хвостом на отлете – признаком драгоценной арабской крови?

Огненная зарница осветила небосклон. Коркуд вздрогнул, оглянулся, и, когда перевел глаза обратно к новой юрте, он увидел рядом с ней поразительной красоты вороного коня, привязанного на приколе, воткнутом в песок. Конь стоял, подняв гордую голову, и ржал, весь дрожа, в нетерпении ожидая ответа на свой призыв... Невидимые руки бросили перед ним связку сушеной юрунджи (клевера).

– На что мне такой чудесный ханский конь? Я могу мечтать только о старом спокойном иноходце, на котором мог бы сделать поездку к моему почтенному другу дамулле в Несе...

– Ты его уже имеешь!

Это оказалось правдой: вместо вороного коня возле юрты стоял невысокий сивый конь в красных крапинках и мирно жевал свернутую жгутом, как женская коса, сухую степную траву.

Коркуд, изумленный, спросил:

– Скажи мне: что я мог сделать доброго для тебя, почему ты хочешь меня облагодетельствовать?

– Ты оказал мне неоценимую услугу, освободив из кумгана, где я находился девять столетий, запечатанный перстнем царя Сулеймана, сына Дауда. За это я исполню девять твоих желаний. Хочешь, я тебя перенесу на крыльях птицы симург под финиковые пальмы счастливой Аравии, на берега реки Евфрат?.. Или сделаю великим визирем шаха Хорезма и подарю сотню прекрасных невольниц из разных стран? Или ты получишь в дар тысячу баранов с тяжелыми курдюками и столько же тонкорунных белых овец, приносящих по два ягненка?..

– На что мне все это?! – Коркуд замахал руками. – Не обременяй моей жизни тяжелыми заботами. Мне вполне хватит одной верблюдицы с верблюжонком. О ней будет заботиться моя почтенная сестра и готовить из верблюжьего молока пенящийся чал², которым я смогу угостить тебя, мой добрый покровитель.

Коркуд боялся даже взглянуть перед собой, однако верблюдица уже стояла, и возле нее неуклюже прыгал верблюжонок, стараясь дотянуться до материнского вымени.

– Довольно, довольно! – воскликнул Коркуд. – Я узнаю тебя! Ты могущественный джинн! А джинны бывают опасны и коварны... И теперь, после стольких радостных даров, я боюсь! Я боюсь, не начнется ли для меня пора горьких испытаний. Мне, старому Коркуду-пастуху, ничего не нужно, кроме одного: чтобы моя сиротка Гюль-Джамал, осветившая своей заботой и лаской закат моей жизни, чтобы эта вверенная мне судьбой девушка нашла себе смелого защитника и спутника на ее жизненной дороге...

Коркуд закрыл глаза руками и тихо заплакал.

Он очнулся, лежа, как и раньше, на ковре, положив седую голову на козлиную шубу. Кто-то звал его. Рыжий пес свирепо лаял. Чобан-Коркуд открыл глаза. На том месте, где только что говорил джинн, стоял молодой туркмен и шепотом твердил:

– Очнись, очнись, Чобан-Коркуд! Выслушай меня! Позволь мне эту ночь провести под твоим мирным кровом! Я бежал от преследования ханских джигитов, которые убили моего отца, известного тебе Курба-Джаухер-Клыча... Зовут меня Кара-Кончар...

– С твоим отцом мы были друзьями детства. Этой ночью ты будешь моим желанным гостем.

---

² Чал – кислый напиток из верблюжьего молока, напоминающий кумыс.

Кара-Кончар подошел к коврику. Они прижались друг к другу плечами, уселись рядом и стали шепотом говорить.

– Вчера двести ханских джигитов, – шептал Кара-Кончар, – пронеслись бурей по многим кочевьям. Они ограбили юрты, забрали лучших жеребцов и захватили самых красивых девушек. «Это все для шах-ин-шаха», – объясняли проклятые джигиты и срывали серебряные украшения с груди женщин. Разве это все нужно шах-ин-шаху, самому богатому правителю вселенной?

Чобан-Коркуд, всплеснув руками, с ужасом сказал:

– Значит, ханские джигиты завтра могут приехать и сюда, в наше кочевье, и увезут мою внучку Гюль-Джамал? Вот подарок джинна, который кончается печалью!

– Ты должен бояться этого, – сказал Кара-Кончар. – Я давно думал о Гюль-Джамал и давно хотел, чтобы ты отдал мне ее для моего счастья.

– Но мы бессильны перед волей шах-ин-шаха! – отметил Чобан-Коркуд, и оба стали обсуждать, как помочь в надвигающемся горе.

– Где же мой приветливый знатный гость? – спохватился вдруг Коркуд.

– Когда я подъезжал сюда, я видел, как молодой джигит на очень красивом коне отъехал от твоей юрты и поскакал в сторону Ургенча.

Часть 1

Мухаммед Шах-ин-Шах Хорезма

I. Сын пантеры

Хорезм-шах Мухаммед Алла-Эддин любил поражать воображение окружающей его почтительной свиты неожиданными решениями. Однажды он сказал:

– Из моих двухсот семидесяти жен, украшенных добродетелью, красотой и привлекательностью, я не вижу ни одной, которая принадлежала бы к племени беспокойному, свободолюбивому, всегда кипящему гневом и возражениями.

Все льстецы поняли, что повелитель говорит о туркменах. Старый векиль дворца и смотритель над евнухами заметил:

– Причину этого надо искать в твоей мудрости: ты не хотел иметь при себе во дворце постоянно тлеющий очаг беспокойства и тайных заговоров.

– Нет, это не верно! – возразил более дальновидный, смелый начальник конницы Тимур-Мелик. – Наш повелитель задумал мудрый и необходимый шаг: его величество приобретет верного и преданного друга, когда он будет держать около своего благородного сердца лучший цветок этого смелого, гордого племени.

– Да! Я решил послать опытных моих помощников в каракумские кочевья, их объехать и выбрать девять прекраснейших цветков пустыни. Всех их доставить в мой дворец. Они должны иметь гордую поступь вольного коня, легкость газели, глаза, сияющие как звезды в темную ночь, уметь петь свои песни и быть достойными стать моей женой и подарить мне наследника... – И шах задумался, накручивая на палец, украшенный алмазным перстнем, завиток своей черной шелковистой бороды.

Сидевшие кругом Хорезм-шаха на ковре льстецы оживились и зашептали:

– Такие девушки будут тебе петь степные песни, танцевать, как ветер. Они приготовят тебе лучшие туркменские кушанья, они подарят тебе сыновей, совмещающих твою мудрость, твое мужество и туркменскую веселость, беспечность и страсть к набегам.

– Когда туркмены будут знать, – добавил шейх-уль-ислам, – что избранница их народа стала твоей великой подругой и спутницей жизни, они прекратят свои обычные волнения, имея собственную шахиню, которая будет рассказывать тебе, государь, об их жизни, нуждах и желаниях.

– Это мудрый, дальновидный и необходимый шаг! – хором поддержали все сидевшие близ Хорезм-шаха.

Целый месяц все туркмены были взволнованы. Некоторые кочевья снялись со своих стоянок и ушли далеко в глубь песчаной степи Каракумов. Два кочевья вступили в кровопролитную борьбу, когда их джигиты взаимно похитили девушек, предназначенных в жены Хорезм-шаху.

Все же приказ был выполнен, и караван верблюдов, разукрашенный серебряной сбруей, пестрой бахромой и шелковыми коврами, доставил в столицу Великого Хорезма, город Ургенч, во дворец шаха, девять «украшений вселенной», черноглазых и снежнозубых смуглых степных красавиц.

Осмотр и оценку привезенных невест взяла на себя властная мать Хорезм-шаха Туркан-Хатун, родом из племени кипчаков. Поэтому осмотр туркменок она делала с особой строгостью. Сам повелитель Хорезма, став женихом, не имел права увидеть избранницу до тор-

жественного обряда венчания, порученного шейх-уль-исламу вместе с имамами, улемами и хором завывающих и прыгающих дервишей.

Туркан-Хатун, со своей обычной злобностью и недовольным шипением, осматривала и обследовала каждую девушку. Обнаженные, заливаясь слезами, закрывая руками лицо, они стояли перед шахиней-матерью, покорно исполняя все ее прихоти.

– Тощая, как голодная курица, – презрительно ворчала шахиня, ощупывая ребра одной. – Видно, питалась только джугарой... Зубы у тебя как у совы, а ноги тонкие, как у джейрана. Ты неуклюжа, как птица пеликан, такие же толстые, как у нее, твои губы...

Туркан-Хатун была недовольна всеми девятью девушками. Однако Хорезм-шах нетерпеливо требовал немедленной свадьбы. Поэтому Туркан-Хатун выбрала одну, по имени Ай-Джиджек (лунный цветок), и приказала ее одеть в самые роскошные брачные наряды. Остальным девушкам, униженным и оскорбленным пристрастным осмотром, Туркан-Хатун приказала вернуться в кочевья. Сопровождавшие караван белобородые старики говорили между собой:

– Конечно, мать-царица нарочно бранит наших красавиц. Ведь она кипчакского рода, ей хочется унижить туркмен. Она выбрала Ай-Джиджек не потому ли, что эта чудесная девушка – сирота, у нее нет родных, которые могли бы приобрести влияние и значение при дворце?

Уже в пути караван был возвращен по приказу Хорезм-шаха. Он пожелал, чтобы все прибывшие с караваном, в том числе и восемь звезд, подруг невесты, присутствовали на свадебном празднестве.

На этом празднестве Мухаммед Алла-Эддин показал, что иногда он может поступать вопреки воле своей матери. Он проявил исключительную щедрость, наделив роскошными подарками всех туркменских гостей и опустошив этим значительно свою сокровищницу. Он был поражен, увидев туркменских красавиц, блиставших очарованием и улыбками, точно яркое созвездие Плеяд в летнюю ночь.

Туркан-Хатун, заметив, что Хорезм-шах готов включить в число своих жен еще восемь туркменок, посоветовалась с кипчакскими ханами, и шаху было сообщено, что все кипчаки волнуются и готовы сделать набег на туркменские кочевья, если они заметят дальнейшее благоволение к этому беспокойному племени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.